

Проф. *Яков Михайлович ЗАХЕР*

ДЕХРИСТИАНИЗАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖОЗЕФА ФУШЕ

ОЧЕРК из ИСТОРИИ БОРЬБЫ с РЕЛИГИЕЙ
в ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ежег. Музея истории религии и атеизма.
1959. Т.3. С.93-111.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

«Великая французская революция была третьим восстанием буржуазии, первым, которое совершенно сбросило с себя религиозные одежды», — писал Энгельс во введении к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке».¹ Иначе и не могло быть, ибо «великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали.

Религия, понимание природы, общество, государственный порядок — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать пред судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилем всего существующего».²

Но если французская буржуазия кануна Великой буржуазной революции была в основном настроена материалистически и атеистически, то это еще отнюдь не означает, что в ее намерения входила борьба с религией. Напротив, одной из целей, которые французская буржуазия XVIII в. ставила перед собой в предстоящей буржуазной революции, являлось вовсе не уничтожение религии, а лишь замена религии, служащей феодальному обществу, религией, которая стала бы служить обществу капиталистическому и облегчила бы осуществление новых, капиталистических форм эксплуатации трудящихся масс. То царство разума, к установлению которого французская буржуазия призывала накануне революции, было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии,³ а атеистические воззрения энциклопедистов в их практическом осуществлении вылились в так называемое «гражданское устройство духовенства», ставившее себе целью превратить католическую религию и ее служителей в одну из опор созданного Учредительным собранием нового буржуазного государства.

Однако этим намерениям Учредительного собрания не было суждено осуществиться. Решительное сопротивление, оказанное большинством католического духовенства, сорвало создание новой церковной организации Франции и привело к тому, что уже в 1791—1792 гг. французской буржуазии пришлось пойти гораздо дальше того, нежели она первоначально собиралась сделать, и повести жестокую борьбу с духовенством, ставшим одним из главных орудий феодальной контрреволюции. Когда же после восстания 31 мая—2 июня 1793 г. на смену господству крупной буржуазии, окончательно перешедшей в лагерь контрреволюции, пришло господство буржуазных демократов якобинцев борьба, которую до сих пор революционеры вели лишь с контрреволюционным католическим духовенством, стала стихийно перерастать в борьбу с самой католической религией. Именно в ходе этой борьбы возникло так называемое дехристианизаторское движение, которое широкой волной охватило Францию осенью 1793 г. и стало на некоторое время одним из наиболее ярких моментов революционной диктатуры якобинцев.

Не следует все же думать, что все общественные элементы, на которые опиралась якобинская диктатура, принимали в этой борьбе одинаково активное участие.⁴ С одной стороны, не только дантонисты, представлявшие интересы выросшей за время и благодаря революции «новой» буржуазии, но даже и буржуазные демократы — робеспьеристы отнюдь не собирались отказываться от социально-охранительных функций религии во всяком классовом обществе. С другой стороны, не только крестьянство, почти целиком находившееся тогда под влиянием религиозного дурмана, но и плебейские массы французских городов того времени еще далеко не созрели для того, чтобы могли занять отчетливо выраженную антирелигиозную позицию.⁵ В особенности это относится к женщинам,⁶ а между тем, как это справедливо отмечает современный французский историк-марксист А.Собуль, в условиях 1793 г., когда главными

бедствиями для плебейских масс были голод и дороговизна, «более чувствительные, нежели мужчины, к дороговизне жизни и трудностям существования, женщины составляли наиболее решительный элемент народного движения».⁷

Не приходится удивляться, что «бешеные», которые наиболее полно выражали интересы плебейских масс Франции эпохи революции, но только не были атеистами, но и почти не принимали участия в дехристианизаторском движении.

Таким образом, ни дантонисты, ни робеспьеристы, ни «бешеные» не могли стать носителями политики дехристианизации. Какая же партия (разумеется, в том условном смысле, о каком можно говорить о партиях в эпоху Великой буржуазной революции) могла стать идеологом и проводником этой политики? Одни только эбертисты, по своему положению выразители интересов самых низших слоев революционной буржуазии менее всего заинтересованные в использовании социально-охранительных функций религии и вместе с тем достаточно усвоившие положения великих «просветителей», чтобы понять отрицательную роль религии.⁹ История политики дехристианизации оказалась теснейшим образом связанной с историей деятельности и конечной судьбой эбертистов. «...Предлогом к разгрому партии Эбера послужило главным образом приписанное ей покушение на права человека ввиду ее посягательства на свободу религии».¹⁰ Чем же в таком случае можно объяснить тот факт, что одним из наиболее видных и рьяных проводников политики дехристианизации стал получивший впоследствии столь широкую известность Жозеф Фуше, начавший свою карьеру как церковник, продолжавший ее как фельдан и жирондист и закончивший как министр полиции Наполеона и слуга «христианнейшего» короля Людовика XVIII? Каковы могли быть стимулы дехристианизаторской деятельности Фуше, столь мало вяжущейся с его предыдущей и последующей политической биографией?

Как бы ни разрешать проблему личной психологии Фуше, для историка должно быть ясно одно: в лице этого деятеля буржуазной революции мы имеем перед собой тип законченного авантюриста, с самого же начала своей карьеры поставившего перед собой только одну задачу — достигнуть личного преуспевания и могущества. Начиная с того момента, когда он в начале 1793 г. порвал с той умеренной торговой буржуазией, из среды которой он происходил, и сделался одним из виднейших проводников «террористической» системы якобинцев, Фуше в дальнейшем с одинаковой энергией служил всем по очереди сменявшимся друг друга режимам и с одинаковой беззастенчивостью предавал их, как только чувствовал неизбежность их падения. Таким образом, не будучи в действительности ни жирондистом, ни эбертистом, ни «террористом», ни термидорианцем, ни бонапартистом, ни легитимистом, Фуше умел в нужный момент одинаково ловко прикидываться сторонником всех этих течений и проводить их политику столь же глубоко и полно, как если бы он был их самым убежденным последователем. Какой бы период столь бурной событиями эпохи 1793—1815 гг. мы ни изучали, мы всегда и неизменно встречаем Фуше в первых рядах политиков этого периода, и анализ его деятельности в тот или иной отрезок времени зачастую дает историку отнюдь не менее богатый и красочный материал, чем изучение роли других политических деятелей, не за страх, а за совесть защищавших дело своей партии или своего класса.

Настоящая статья посвящается сравнительно узкому и ограниченному по времени разделу политической биографии Фуше, а именно его дехристианизаторской деятельности 1793 г. Перейдя в самом начале 1793 г. из лагеря Жиронды, в котором он до тех пор пребывал, в лагерь Горы, Фуше, как известно, шагнул через головы дантонистов и робеспьеристов и занял место на левом фланге монтаньяров, т.е. в ближайшем соседстве с Эбером. Шометтом и другими левыми якобинцами. Поэтому неудивительно, что Фуше не только не остался чуждым дехристианизаторскому движению, но и принял в его развертывании самое активное участие. Вот почему, даже если и признать, что дехристианизаторская деятельность Фуше вытекала отнюдь не из его убеждений (вернее всего, что у этого авантюриста вообще никогда не было и не могло быть каких бы то ни было убеждений), а лишь из сознательного подлаживания под господствующий тон эпохи и стремления сделать себе на этом карьеру, объективное значение этой деятельности не должно быть все же преуменьшено. Чем бы ни руководствовался Фуше, проведенная им в 1793 г. борьба с религией составляет столь яркую страницу в истории дехристианизации, что пройти мимо нее не может ни один исследователь, действительно желающий изучить историю этой последней.

II

Жозеф Фуше, родившийся 21 мая 1759 г. в местечке Пеллерен, поблизости от Нанта, происходил из крупнобуржуазной среды. Его отец, капитан Жозеф Фуше, был не только потомственным моряком, но и владельцем довольно значительного количества земель во Франции и плантаций в Сан-Доминго. Подобно своим предкам, будущий деятель революции предназначался к карьере моряка, но слабое состояние его здоровья заставило родителей мальчика изменить свои первоначальные намерения. По окончании нантского коллежа ораторианцев Фуше был отдан в 1781 г. в парижскую семинарию того же ордена. Окончив ее в 1782 г., он посвятил себя педагогической деятельности, и в течение последующих десяти лет мы встречаем его в качестве учителя физики в различных ораторианских учебных заведениях. Революция застала Фуше в Аррасе, на родине Робеспьера, а в октябре 1790 г. он был переведен в Нант в тот же самый коллеж, в котором он некогда учился.

Итак, Фуше, не будучи клириком в узком смысле этого слова, был, однако, в силу своего воспитания и деятельности связан с духовной средой самыми тесными узами. Трудно сказать, был ли он в своей молодости искренне верующим человеком: хотя в своих позднейших утверждениях он отвечал на этот вопрос в положительном смысле,¹¹ однако весь облик Фуше как-то слишком слабо вяжется с возможностью допущения у него наличия действительного религиозного чувства даже в юности. Правильнее предположить, что Фуше уже в ранний период своей жизни был атеистом и что его позднейшее противоположное утверждение по этому поводу представляет не что иное, как одно из столь многочисленных искажений им действительности.

Так или иначе, но в 1790 г. Фуше снова попал в Нант. Этот город, по своей экономике целиком связанный с внешней морской торговлей, был одним из главных центров сосредоточения той крупной буржуазии, которая составляла основную социальную базу жирондистской партии. Трудно было ожидать наличия в среде местной буржуазии чересчур радикальных политических настроений.

Как по своему социальному происхождению, так и по своим тогдашним взглядам Фуше ничем не отличался от большинства нантских политических деятелей этого времени; и неудивительно, что уже в феврале 1791 г. он делается председателем местного якобинского клуба. Эта должность, естественно, выдвинула его в первые ряды местных политиков. Когда в сентябре 1792 г. нантские граждане были призваны выбирать депутатов в Национальный Конвент, то одним из выбранных оказался и Фуше.

Избранию Фуше предшествовало опубликование им предвыборного обращения к избирателям, представляющего ценнейший источник для выяснения его тогдашних взглядов. «Долой дух разрушения! — восклицал в этом обращении Фуше. — Дух Конвента должен быть чисто созидательным. Поэтому избирать в его состав следует лишь архитекторов в области политики... а не революционных деятелей!»¹²

Рисуя себя перед избирателями именно в качестве такого «архитектора в области политики», Фуше особенно подчеркивал при этом полученное им духовное образование. «Едва достигнув сознательного возраста, он вступил в ораторианское заведение, которое, лишенное каких бы то ни было недостатков или злоупотреблений монастырей, обладает вместе с тем всеми их преимуществами и позволяет совместить светские интересы и семейные наклонности с религиозным чувством, столь необходимым и похвальным, когда оно очищено философией».¹³

Итак, Фуше изображает себя в качестве сторонника умеренных политических взглядов и друга религии, «очищенной философией». Вполне понятно, что, движимый подобными настроениями, он, едва вступив в Конвент, занимает место на его правых скамьях, т.е. среди жирондистов, со многими из которых он был к тому же связан старыми личными связями. Редко выступая на пленуме Конвента, Фуше посвящает себя в это время преимущественно работе в его комиссиях, и в первую очередь в комиссии по народному образованию, в состав которой он был избран в ноябре 1792 г. Но скоро Фуше убеждается в неминувости поражения своих политических друзей и, пользуясь процессом Людовика XVI, решает круто повернуть фронт и броситься в объятия своих прежних противников — монтаньяров. С этой целью он не только, совершенно неожиданно для своих прежних друзей, голосует за казнь бывшего короля, но и обращается 1 февраля 1793 г. к своим избирателям с письмом, как небо от земли далеким от его предвыборного воззвания.

«Опаснейшим из пороков, — пишет в этом письме Фуше, — является в настоящее время эгоизм. Разве это не он утверждает, что равенство уже достигнуто? Лицемеры, равенство достигнуто?! Но почему же в таком случае мы повсеместно можем видеть, как обладающие излишками презирают нуждающихся в строго необходимом, а горделивый буржуа считает себя более достойным, чем полезный рабочий?»¹⁴

Как ясно показывают подчеркнутые нами слова (столь похожие на многие тогдашние выступления Шометта), Фуше, перейдя в лагерь монтаньяров, сразу же занимает место на его крайне левом, эбертистском фланге. Когда же Фуше был послан Конвентом в свой родной департамент Нижней Луары,¹⁵ он выказал себя там как ярый борец с вандейской контрреволюцией.

Мы не можем здесь касаться ни общих причин вандейской контрреволюции, ни мероприятий, принятых Фуше для борьбы с таковой. Отметим только, что в этот период своей деятельности, он, ясно сознавая огромную роль, сыгранную церковниками в возбуждении недовольства вандейских крестьян против мероприятий Национального Конвента, выдвигает на первый план задачу борьбы с контрреволюционным католическим духовенством и уделяет ей не меньшее внимание, чем, скажем, возбуждению энергии войск и национальной гвардии или бдительному надзору за казавшимися ему подозрительными жирондистски настроенными администраторами. Тем самым от той явно благожелательной позиции в отношении к религии, которую он занимал еще осенью 1792 г. Фуше переходит теперь к позиции, ей резко враждебной. Подобно другим будущим дехристианизаторам. Фуше в этот момент, т.е. весной 1793 г., не требует еще борьбы с самой католической религией как таковой, а ограничивается лишь борьбой с контрреволюционным католическим духовенством; но зато в этом последнем отношении он занимает вполне четкую позицию.

Действительно, уже в докладе Конвенту, посланном из Ренна 23 марта 1793 г. Фуше совместно с его коллегами Гермером, Севестром, Лемаллио и Билло-Варенном, мы находим следующие строки: «Невежество и фанатизм являются слепыми орудиями аристократии, при их помощи стремящейся уничтожить более просвещенные города, эти естественные очаги патриотизма... Мы не можем скрыть от вас, что большинство вождей, возглавляющих здешние разбойничьи шайки, состоят из эмигрантов и неприсягнувших священников, выпущенных на свободу в силу преступного попустительства их намерениям».¹⁶

Ту же самую мысль находим мы и в послании Фуше Конвенту от 28 марта из Нанта: «Эмигранты и высланные священники вернулись теперь в прибрежные местности и наполнили наши деревни. Они вооружили шайки разбойников и убивают наиболее храбрых и твердых защитников свободы».¹⁷

Яркое и правдивое описание роли католического духовенства в возбуждении вандейской контрреволюции мы встречаем и в воззвании к мятежным жителям деревень, выпущенном 12 апреля Фуше совместно с его коллегой по миссии в Нант — Валлером: «Нет, вы больше не будете жертвой фанатизма священников и тирании деспотов!.. Разве вы не знаете, что религия всегда была для них лишь пустым звуком и что все их поведение диаметрально противоположно предписываемой ею морали? Они начали с того, что все время говорили вам о религии и старались пробудить ваше беспокойство в связи с благодетельными реформами, произведенными в ее культе (имеется в виду закон о гражданском устройстве духовенства, — Я.З.). Затем они стали говорить вам о якобы священных, а на самом деле противозаконных сборищах, надеясь подготовить вас таким образом к тем сборищам, которые имеют место в настоящее время. Боязнь разоблачить себя препятствовала им вначале говорить об их личных интересах, но теперь, требуя восстановления старого режима, они тем самым требуют восстановления и своих прав и привилегий, под игом которых мы изнывали, но которые составляют единственную цель их мечтаний и стремлений. Будьте уверены, что они согласились бы помириться на вопросах религии, если бы только отечество сочло возможным возвратит им те имущества, которыми они некогда пользовались!»¹⁸

Вполне понятно, что, оценивая таким образом роль, сыгранную католическим духовенством в возбуждении вандейского контрреволюционного движения, Фуше должен был неизбежно требовать решительной борьбы с преступными церковниками, и в первую очередь, конечно, с церковниками неприсягнувшими. Так, в своем донесении Конвенту от 21 марта 1793 г. он не только приветствует те дистрикты, в которых «все вожди аристократии, соучастники эмигрантов и попы извлечены из их логовищ и заключены в тюрьмы», но и требует скорейшего предания суду арестованных церковников: «Тюрьмы переполнены людьми, захваченными с оружием в руках, и добрые граждане опасаются, что им удастся скрыться от карающего меча правосудия. Среди них есть преступные священники, арестованные уже в четвертый раз! Вчера, во время моего проезда через Витре, я мог наблюдать сильнее волнение по этому поводу. Вокруг моего экипажа собралась толпа, требовавшая, чтобы я отправился в тюрьму и взял на себя отправление обязанностей судьи. Многие из этих добрых граждан оплакивали своих убитых братьев и друзей и горячо жаловались на безнаказанность их убийц».¹⁹

Ту же мысль находим мы в донесении Фуше Конвенту от 26 марта: «Священники и дворяне подвергнуты аресту... Народ настойчиво требует скорейшего наказания заключенных в тюрьмы заговорщиков, он опасается, что этим величайшим преступникам удастся скрыться от правосудия».²⁰

Если принять во внимание, что все это происходило в момент, когда господство в Конвенте еще принадлежало жирондистам, то нельзя будет не признать, что опасения эти были вполне обоснованными. И действительно, едва только грозная опасность, грозившая Нанту со стороны контрреволюционных полчищ вандейцев, оказалась временно ликвидированной, умеренная буржуазия родины Фуше стала требовать отозвания чересчур ретивого, по ее мнению, конвентского комиссара. Фуше оказался вынужденным вернуться в Париж, куда он прибыл незадолго до падения жирондистов.

Вернувшись в Париж, Фуше вместе с тем возвращается и к своей работе в конвентском комитете народного образования, и в прямой связи с этой работой находится опубликованное им в начале лета 1793 г. **«Рассуждение о народном воспитании»**.²¹ «Рассуждение» это почти целиком посвящено вопросу о религии, и нам поэтому необходимо остановиться на нем более подробно.

Мы уже отмечали, что, перебросившись из лагеря жирондистов в лагерь Горы, Фуше занял место на ее крайне левом фланге, т.е. рядом с Эбером и Шометтом. Это сказалось не только на его социальных взглядах, которые мы здесь не касаемся, но равным образом и на его антирелигиозной деятельности. И если произведенный нами выше анализ деятельности Фуше во время его вандейской миссии показывает, как мы уже говорили, что в это время он в области религии еще не идет далее простой борьбы с контрреволюционным духовенством, то выпущенное по возвращении Фуше в Париж его «Рассуждение о народном воспитании» представляет дальнейший и чрезвычайно важный этап в развитии его антирелигиозной деятельности.

Как было подробно показано нами в другом месте,²² длительная борьба, которую французской революционной буржуазии, опиравшейся на плебейские массы городов и широчайшие слои крестьянства, пришлось вести с контрреволюционным католическим духовенством, имела своим естественным результатом перерастание у наиболее радикальной части мелкой буржуазии в борьбу с самой христианской религией. И если более умеренные круги революционной буржуазии, т.е. те, политическими представителями которых являлись робеспьеристы, не считали возможным отказаться от религии, ибо держались за ее социально-охранительные функции, то эбертисты стали на иной путь, логическим завершением которого явилась так называемая дехристианизация. И вот, анализируя с этой точки зрения «Рассуждение о народном воспитании» Фуше, мы убеждаемся, что он уже к лету 1793 г. зашел в области религиозных вопросов значительно далее Робеспьера и требовал если и не полного упразднения католицизма, то, по крайней мере прекращения содержания его культа за государственный счет.

«Напрасно, — говорит в своем «Рассуждении» Фуше, — давать народу учителей, если наряду со школами философии и разума мы сохраним и будем даже оплачивать школы предрассудков и суеверия... Вообразите только муки, которые вы подготавливаете своим детям, давая им двух учителей, принципы которых диаметрально противоположны, а мораль которых находится в вечной оппозиции друг с другом; двух учителей, которые будут направлять в противоположных направлениях первые стремления и склонности своих воспитанников.

Один из них, выступая от имени бога, пророком и служителем которого он себя объявляет, будет изображать свою религию в качестве... базы... какой бы то ни было морали и единственного ключа, открывающего райские двери. Целью его является сделать из человека автомат, у которого на месте разума будут лишь привычка и повиновение.

Другой, зная, что язык истины истребляется, сделает из своего ученика человека, станет говорить ему о религии лишь для того, чтобы раскрыть тайну, скрывающую ее возникновение. Он будет стремиться ознакомить своего ученика с его правами, обязанностями и правилами, которым он должен следовать, чтобы добиться счастья как его самого, так и его ближних в этой, но отнюдь не в потусторонней, жизни.

Неужели же вы не опасаетесь, что наши дети попадут скорее под влияние чудесных рассказов первого, нежели естественной простоты второго?

Говорят, что будут изданы законы, имеющие своей целью удержать (католических, — Я.З.) священников в тех же самых границах, что и всех стальных служителей различных сект. Но опыт учит нас, что исключительная привилегия первых — их содержание за счет республики — дает им роковое преобладание...

Мы стремимся к тому, чтобы господствовали одни только законы и справедливость, но разве оплачиваемый государством культ не является тем самым и господствующим?.. Не является ли столь почитаемое нами равенство простой химерой там, где наряду с людьми, отданными во власть предрассудков, имеются люди, признаваемые за избранных небес?..

Граждане-представители, там где начинается республика, все суеверия и монархические привилегии должны исчезнуть перед лицом истины, все откровения должны исчезнуть перед совестью и внутренним чувством разума. Национальный Конвент не должен признавать иной религии, кроме религии морали, иного культа, кроме культа отечества, иного догмата, кроме догмата народного суверенитета.²⁴

Фуше предвидит то возражение (как известно, именно оно было излюбленным аргументом дантонистов и робеспьеристов),²⁵ что подобная политика в вопросах религии может оттолкнуть отсталые народные массы от поддержки революции, и заранее пытается его отвести: «Ложью и лицемерием является обосновывать на предрассудках народа или на боязни возбудить против себя общественное мнение, ложную осторожность, на самом деле оказывающуюся лишь следствием слабости или испорченности. Не является ли вопиющим противоречием утверждать, что те самые люди, которые с восторгом встретили уничтожение ига монархии и приветствовали падение головы тирана, придут в ужас от падения духовенства? Как будто бы один и тот же революционный инстинкт не заставляет людей одинаковой энергией бороться со всеми видами тирании!»²⁶

Не ограничиваясь, однако, этим возражением дантонистам и робеспьеристам, Фуше прямо обрушивается на утверждение Дантона и Робеспьера, что народ нуждается в религии, как в утешении от горестей земной жизни: «Но наиболее опасными кажутся мне те, кто пытаются лишить народ его разума и под предлогом дать ему небесный дар, отнимают у него земные блага; те, кто, говоря о свете свыше, гасят единственный свет, данный народу природой».²⁷

«Итак, — заключает свое «Рассуждение» Фуше, — как политика, так и философия предписывают нам как можно скорее заменить старые предрассудки и вековые заблуждения установлениями, достойными великого народа; уроками, которые упрочат и разовьют его способности; гражданскими праздниками, отправляемыми... с теми простыми, гордыми и республиканскими обрядами, которые трогают и возвышают душу».²⁸

Таково основное содержание «Рассуждения о народном воспитании» Фуше. Совершенно очевидно, что, как мы уже говорили, «Рассуждение» это составляет важный этап в истории его антирелигиозной деятельности. Ибо если еще весной 1793 г. Фуше ограничивался борьбой с контрреволюционным католическим духовенством, не касаясь самой католической религии, то теперь он идет дальше и требует лишения этой религии ее привилегированного положения, связанного с ее содержанием за государственный счет. Поэтому мы и считаем себя вправе утверждать, что к лету 1793 г. бывший воспитанник ораторианцев занял в вопросах религии гораздо более левую позицию, чем та, которую занимали в это время робеспьеристы. В то время как эти последние требовали лишь борьбы с контрреволюционным католическим духовенством, но не с тем культом, которому оно служило, Фуше настаивал на лишении этого последнего его материальной базы. Однако это требование Фуше еще вовсе не означало предела, достигнутого им в борьбе с религией, и мы скоро увидим, каким образом от требования лишения католического культа его материальной базы, Фуше перешел к прямой борьбе с католицизмом. Однако переход этот совершился не сразу; ему предшествовал период, в течение которого Фуше не только не боролся с католицизмом, но и был даже склонен к примирению с ним, так же, впрочем, как и вообще с контрреволюцией.

III

В Париже летом 1793 г. Фуше пробыл немногим более полутора месяцев: приехал он из Нанта в начале мая, а уже 27 июня он был назначен конвентским комиссаром в департаментах центральной и восточной Франции.²⁹ После всего, что мы знаем об эволюции, происшедшей в это время в его отношении к вопросам религии, можно было бы предположить, что уже с самого начала своей миссии Фуше поставит в качестве одной из главнейших задач своей деятельности борьбу не только с контрреволюционным католическим духовенством, но и с самой религией как таковой. Однако этого не случилось, и за первые два месяца новой миссии Фуше мы ровно ничего не слышим о каких-либо его действиях в этом направлении.

Объяснения этого на первый взгляд непонятного обстоятельства следует искать не в личных взглядах или намерениях Фуше, а в общей обстановке того момента. Нам уже приходилось указывать, что, оторвавшись в самом начале 1793 г. от своих классовых корней, Фуше не приобрел какой-либо новой социальной базы, а сделался типичным авантюристом, следующим за той партией, которая, по его мнению, имела в данный момент наибольшие шансы на победу. После поражения жирондистов Фуше считал за таковую партию якобинцев, и в частности ее крайне левое крыло. Однако, как известно, после своей победы над жирондистами якобинцы, и в том числе якобинцы левые,³⁰ были склонны не столько к полному уничтожению разбитого противника, сколько к полюбовному соглашению с ним. При таких условиях было вполне понятным, что и Фуше в первые месяцы своей новой миссии не только не считал целесообразным углублять классовую борьбу, но, напротив, стремился к ее придушению; из этого вытекала как вся вообще его политика этого времени, так, и, в частности, его политика в религиозной области.

Это относится не только к деятельности Фуше в Труа и Дижоне, где он был в течение июля 1793 г., но и к первому времени его пребывания в Ньевре, куда он прибыл 28 июля. Не взирая на то, что департамент Ньевр был в то время пристанищем контрреволюционеров и фанатичных попов,³¹ Фуше в выпущенном им 31 июля обращении «К гражданам департамента Ньевры» писал буквально следующее: «Республиканцы, ваши враги надеялись на ваши раздоры, но их гнусные надежды рушились в тот момент, когда все друзья республики собрались в храме свободы. Трогательная картина этого дня; братание, объятия, нежные поцелуи, сладостные слезы, крики радости, патриотические песни, раздававшиеся на всех улицах этого города — все это не могло не внести в души угнетателей народа беспокойство, ужас и, я смею надеяться, раскаяние.

О, если раскаяние действительно овладело сердцами хотя бы некоторых из них, это составляет достаточную гарантию того уважения, с которым они отныне будут относиться к воле народа! Так пусть же они явятся в нашу среду выразить свое раскаяние и изложить свои пожелания! Народная справедливость не заключается в мести, она неотделима от умеренности и милости, она требует наказания преступления, но прощает заблуждение. Так пусть же они явятся с полной уверенностью, и всеобщее прощение покроет все их ошибки. Счастливейшее для всего мира событие — рождение конституции, приближающей человека к природе и истине, — будет ознаменовано в их отношении своего рода политической амнистией, благодаря которой все их ошибки будут забыты. Жизнь под властью новых законов станет новой эрой их существования».³²

При таком настроении Фуше в первое время его пребывания в Ньевре не удивительно, что местные контрреволюционеры и умеренные встретили его с распростертыми объятиями. Достаточным доказательством этого могут служить следующие слова, которые мы находим в одной позднейшей жалобе ньеврских жителей, составленной уже в эпоху термидорианской реакции, т.е. тогда, когда у них не могло быть никаких мотивов сознательно щадить бывшего комиссара Конвента: «Он был доступен для всех, протягивал руку помощи всем несчастным и обиженным. Он ежеминутно повторял, что не намерен кого-либо арестовывать, что он с полной беспристрастностью будет судить всех, арестованных Лапланшем,³³ и что преследовать он будет одно только преступление... Он появился, как некий бог мира, спустившийся на землю для того, чтобы установить мир и восстановить справедливость, гуманность и доброжелательство, попорченные мерзавцами».³⁴

Этой общей соглашательской политике вполне соответствовала, самой собой разумеется, и политика в области религиозного вопроса, которой следовал в это время Фуше. Поэтому не следует удивляться тому, что гражданские крестины, устроенные им в Неведе его родившейся 10 августа дочери, хотя и не носили религиозного характера, все же не были использованы им для целей антирелигиозной пропаганды.³⁵

Совершенно той же самой политики, что в Неведе, придерживался Фуше и в Кламеси, куда он переехал в середине августа. Вот что он писал оттуда Комитету Общественного Спасения в донесении от 17 числа: «Граждане-коллеги! Порядок и свобода, философия и братство, разум и природа торжествуют в стенах Кламеси. Несколько произнесенных от нашего имени слов произвели все то впечатление, которое я от них ожидал. Гнусный дух, раздирающий некоторые части республики, оказался также и здесь, вызвав раздоры между гражданами и даже между друзьями, братьями, супругами и их несчастными детьми. Город Кламеси был во власти нездоровых испарений. Но теперь они мгновенно сгорели на огне свободы. Все граждане сблизились между собой и упали в объятия друг друга... Дайте же оружие гражданам Кламеси: они готовы пролить свою кровь для его защиты!».³⁶

Неудивительно, что характеристика, данная Фуше в эпоху термидорианской реакции гражданами Кламеси, вполне соответствует той, которая была дана ему и гражданами Невера. «В Кламеси, как и в Невере, — читаем мы в соответствующем документе от 23 мессидора III года, — Фуше играл роль примирителя... Граждане, разделенные по инстинкту и по своим воззрениям, были примирены благодаря его вмешательству; тоном апостола он проповедовал мир и согласие».³⁷

Однако, только что описанная нами соглашательская тактика, применявшаяся Фуше в июле и в августе 1793 г., не могла быть длительной и составляла только кратковременный эпизод. Как известно, уже в конце августа—начале сентября 1793 г. якобинцы (и в первую очередь их эбертистское крыло), разочаровавшись в возможности соглашения с жирондистами и, главное, уступая давлению народных масс, круто меняют свою прежнюю политику и переходят к системе революционной диктатуры и террора. Поскольку же Фуше, как мы это неоднократно отмечали, неизменно следовал за политикой той партии, которая в данный момент казалась ему наиболее сильной, является вполне естественным, что он в конце августа 1793 г. еще раз круто меняет фронт и, следуя за эбертистами, объявляет себя решительным сторонником революционного террора и углубления революции.

Действительно, другое **воззвание «К гражданам департамента Ньевры»**, выпущенное Фуше 25 августа 1793 г., как небо от земли далеко от тех чисто соглашательских взглядов, которые он проповедовал всего только за неделю до того. Не останавливаясь на всех элементах этого обращения, мы приводим лишь его наиболее яркие места.

«Довольно перемирий, довольно мира, — восклицает Фуше, — с теми, кто выработал гнусный проект отравить народ посредством испорченных продуктов или уморить его голодом в ту самую минуту, когда природа покрыла землю своими дарами!.. Покажем тем, кто стремится стать нашими хозяевами, что наша твердость превосходит их ярость и что наше мужество победит их усилия и их гордость... Всякий человек, который не стремится успокоить справедливое негодование народа, ослабляя силу его страданий, ставит себя тем самым в разряд подозрительных. Поэтому он должен быть удален из общества и лишен возможности пользоваться своими богатствами... Такой человек должен вызывать жалость лишь после того, как он падет под мечом правосудия!».³⁸

Естественным выводом из этих принципов явилась та политика решительного преследования всех контрреволюционеров и богатых, которую Фуше стал с этого времени столь прямолинейно проводить в Ньевре и Мулене. С этим поворотом Фуше в области политической и социальной был, естественно, связан и его поворот в области религиозной. Теперь ничто уже не мешало ему выступить в качестве борца с католицизмом не только в теории, но равным образом и на практике.

IV

Выше мы отмечали, что положения, которые Фуше формулировал в начале лета 1793 г., можно охарактеризовать как требование лишения католицизма его привилегированного положения, связанного с содержанием его культа за государственный счет. Вряд ли нужно доказывать, что для начала лета 1793 г. такая позиция являлась весьма передовой.

Однако с июня по август 1793 г. утекло много воды и еще больше крови. Явно контрреволюционная позиция, занятая в это время не только неприсягнувшим, но равным образом и присягнувшим (так называемым (конституционным) католическим духовенством, имела своим естественным результатом усиление борьбы с духовенством и перерастание ее в борьбу с самой религией.³⁹ Хотя процесс этот, как известно, до самого конца не затронул робеспьеристов, эбертисты уже с осени 1793 г. категорически требуют решительной борьбы не только с духовенством, но и с самим христианским культом и выставляют это требование в качестве одного из краеугольных пунктов своей программы. Поскольку же, как мы уже отмечали, Фуше с весны 1793 г. решил связать свою судьбу с судьбой крайне левого фланга монтаньярской партии, совершенно очевидно, что он в своей деятельности не мог теперь уже ограничиться одним только требованием лишения католической церкви ее привилегированного положения, а должен был выступить в качестве яркого сторонника полной дехристианизации. И если начало деятельности Фуше в этом направлении почти на месяц предшествовало официальному открытию дехристианизаторской кампании 1793 г., то объяснения этого следует искать в его тонком нюхе, позволявшем ему заранее чувствовать, в какую сторону подует ветер.

Первое, хотя и еще несколько туманное, проявление дехристианизаторской деятельности Фуше в Ньевре имело место 22 сентября 1793 г., в день годовщины провозглашения республики. Воспользовавшись приездом в Ньевру, т.е. на его родину, прокурора Парижской Коммуны Шометта, Фуше, по словам официального документа, «посвятивший в этом департаменте все дни суеверия празднествам в честь свободы, религии, морали и культа всех добродетелей, наметил день для открытия памятника Бруту».⁴⁰ Этот праздник подробно описан нами в другом месте,⁴¹ и поэтому сейчас возвращаться к его описанию мы не будем, тем более что никакие, строго говоря, антирелигиозные манифестации 22 сентября не имели места. Зато уже на следующий день Фуше явился в директорию департамента и предложил издать

постановление, окончательно оформленное 25 сентября в следующей редакции:

«По предложению гражданина Фуше, представителя народа, Совет департамента, принимая во внимание, что во всякой общественной ассоциации все входящие в ее состав члены должны стремиться к общему благу; что, изолируясь от общества, люди тем самым становятся равнодушными к его благу; что уже слишком долго священники живут в состоянии безбрачия; что они не исполняют ни одного из долгов подлинного гражданина; что, чуждые участия в общественных расходах, от каковых им всегда удавалось уклониться при помощи оружия обмана, они до сих пор подавали лишь пример опасного и враждебного принципам республиканского строя эгоизма; что пора, чтобы эта гордая каста, возвращенная к чистоте принципов ранней церкви, вернулась в класс граждан, отказалась от оскорбительной для природы и благоприятствующей разложению нравов жизни, приблизилась посредством исполнения своих обязанностей к обществу, принимая участие в расходах управления, заслужила право на защиту со стороны правительства,

постановляет:

Всякий служитель культа или другой, оплачиваемый казной священник, проживающий в пределах данного департамента, будет обязан, в течение одного месяца со дня опубликования настоящего постановления, либо вступить в брак, либо усыновить ребенка, либо взять на свое иждивение и кормить неимущего старика. В случае отказа от исполнения этого предписания означенные лица будут считаться отказавшимися от исполнения своих функций и будут лишены как своих пенсий, которые с этого момента перестанут им уплачиваться».⁴²

Как ни важны практические диспозиции этого постановления, целиком вытекавшие из столь характерного для тогдашних дехристианизаторов стремления заставить католическое духовенство отказаться от соблюдения канонических норм, содержащаяся в нем фраза о «чистоте принципов ранней церкви» лишает нас возможности рассматривать его как чисто дехристианизаторское по своему духу. Однако⁴³ есть все основания предполагать, что утверждение о «чистоте принципов ранней церкви» должно быть приписано не столько самому Фуше, сколько инспирировавшему его в тот момент Шометту. Эта гипотеза приобретает особую вероятность при сравнении текста постановления 25 сентября с отчетом о состоявшемся уже на следующий день в присутствии Фуше (он прибыл туда утром этого дня) заседании общественных организаций в Мулене,⁴⁴ который гласит:

«Открытое заседание 26 сентября 1793 г.,

II года Французской Республики, единой и неделимой,

и I года народной конституции,

состоявшееся в приходском храме Богоматери.

Собрание установленных властей, народного общества и граждан Мулена было созвано представителем народа, коему Национальный Конвент поручил быть апостолом свободы в департаментах центра и востока и заменить там суеверные и лицемерные культы, которым народ, к сожалению, все еще предан, культом Республики и естественной морали. Собрание это состоялось в храме Богоматери».⁴⁵

Во время этого собрания Фуше наряду с далеко идущими постановлениями по вопросам политического и социально-экономического порядка, касаться которых мы здесь не будем, провел также и следующее мероприятие, почти дословно повторяющее то, что было накануне декретировано в Невре:

«Ввиду того, что предписания природы и разума должны быть наконец выполнены и непререкаемым образом утверждены на развалинах фанатизма и суеверия, будет лишен права отправлять какие-либо общественные функции всякий священник, который не позднее 1 ноября сего года не вступит в брак, или не усыновит в законном порядке ребенка и не объявит его своим наследником, или не станет кормить за своим столом старика, рассматривая его в качестве отца».⁴⁶

Как ни близко муленское постановление 26 сентября к ньеврскому постановлению предыдущего дня, между ними имеется, однако, крайне существенная разница: в то время как во втором говорится о необходимости возвращения к «чистоте ранней церкви», в первом указывается на необходимость заменить «суеверные и лицемерные культы... культом Республики и естественной морали». Из этого совершенно ясно, что уже в конце сентября 1793 г. Фуше считал возможным открыто провозгласить свои атеистические или, по меньшей мере, антихристианские принципы, и если ньеврское постановление 25 сентября как будто бы противоречит этому, то объяснения этого противоречия следует искать, как мы уже говорили, во влиянии Шометта, бывшего, как известно, деистом.⁴⁷

Собрание 26 сентября в храме богородицы имело свое продолжение на улицах Мулена, когда двигавшаяся по ним большая толпа народа во главе с самим конвентским комиссаром разбивала и предавала уничтожению все встречавшиеся по пути внешние знаки католического культа.⁴⁸ Именно это, по-видимому, и имел в виду Фуше, когда он в своем донесении Комитету Общественного Спасения из Мулена от 30 сентября писал: «В течение одного только дня народ с восторгом видел, как к его ногам упали оставшиеся им ранее не замеченные символы его рабства, знаки суеверия и заблуждения, одним словом — все то, что могло напомнить его прежнее угнетение... Священники и их идолы заточены в храмах, глаза республиканцев видят лишь эмблемы возрождения и атрибуты могущества и бессмертия народа. Гражданские празднества и спектакли, во время которых воздаются почести добродетелям, заменили теперь бессодержательность дней, которые фанатизм стремился использовать для своей выгоды».⁴⁹

Примерно в таком же духе высказывался Фуше и в своем письме к Шометту от 6 октября: «Положение вещей таково, что местность, находившаяся ранее целиком во власти суеверия, в настоящее время не представляет глазам путешественника ни одного символа, могущего напомнить о господствующей религии».⁵⁰

А еще через пять дней Фуше, восхваляя в своем донесении Комитету Общественного Спасения от 22 вандемьера принятые им революционные меры, восклицал: «Они вызвали среди аристократии удивление и ужас на религиозный фанатизм поражен ими насмерть. Ныне аристократия и фанатизм здесь уничтожены».⁵¹

Но как ни важны все эти дехристианизаторские мероприятия Фуше, они все же представляли не более как предисловие к изданному им по возвращении в Невер знаменитому **постановлению 19 вандемьера (9 октября), являющемуся, без всякого сомнения, важнейшим документом всей дехристианизаторской кампании 1793 г. Вот текст этого постановления.**

«Именем французского народа, представитель народа в департаментах центра и востока, —

принимая во внимание, что французский народ не может признавать никаких привилегий, кроме тех, которые установлены законом, справедливостью и свободой, никакого культа, кроме культа всемирной морали, никакой догмы, кроме догмы его суверенности и всемогущества;

принимая во внимание, что в тот момент, когда Республика торжественно объявила, что она оказывает одинаковое покровительство отправлению культа всех религий, дозволение последователям всех сект выставлять на публичных площадях, дорогах и улицах символы их культа и устраивать религиозные церемонии, могло бы повести к возникновению давки и беспорядков, —

Постановляет:

Ст.1. Все культы различных вероисповеданий могут быть отправляемы только в принадлежащих им храмах.

Ст.2. Так как Республика не признает никакого господствующего или привилегированного культа, все религиозные символы, находящиеся на дорогах, площадях и вообще во всех общественных местах, подлежат уничтожению.

Ст.3. Всем священникам и служителям культа под страхом заключения запрещается показываться вне храмов в одежде, присвоенной их культуре.

Ст.4. В каждом муниципалитете все умершие граждане, к какому бы вероисповеданию они не принадлежали, будут препровождаться через 24 часа после смерти и через 48 часов, если смерть последовала внезапно, на место, предназначенное для общего погребения, под погребальным покровом, на котором будет изображен Сон, в сопровождении общественного чиновника и окруженные своими друзьями, одетыми в траур, и отрядами своих братьев по оружию.

Ст.5. Общее место, где будет находиться их прах, должно быть удалено от всякого жилища и обсажено деревьями, под сенью которых будет возвышаться изваяние, изображающее Сон. Все прочие символы подлежат уничтожению.

Ст.6. На воротах этого участка, посвященного религиозным почтением душам умерших, будет сделана надпись: «Смерть есть вечный сон».

Ст.7. На могилах тех, кого граждане соответствующей коммуны после их смерти признают оказавшими отечеству ценные услуги, будут воздвигнуты каменные изваяния, украшенные дубовыми венками.

Ст.8. Настоящее постановление будет напечатано, прочитано и расклеено на протяжении всего департамента, разослано во все генеральные советы коммун и священникам, которые будут ответственны за его исполнение».⁵²

Огромное значение постановления Фуше от 19 вандемьера заключается не только в том, что оно является одним из немногочисленных открыто атеистических документов того времени («Смерть есть вечный сон»). Помимо его принципиального значения, постановление Фуше сыграло большую практическую роль, ибо оно послужило образцом для целого ряда аналогичных распоряжений. Так, не говоря уже о Париже, где это постановление Фуше было одобрено Коммуной в ее заседании 25 вандемьера,⁵³ многие конвентские комиссары в провинции поспешили последовать примеру своего ньеврского коллеги и издали постановления, весьма близко напоминающие постановление от 19 вандемьера.⁵⁴ А конвентские комиссары Кавеньяк и Дартигоейт в изданном ими в Оке постановлении прямо заявляли: «Представители народа в департаменте Жер и других соседних местностях, ознакомившись с постановлением их коллеги Фуше относительно внешних обрядов религиозных культов, изданным 19 числа первого месяца..., принимая во внимание, что постановление Фуше основано на великих принципах республиканизма и всемирной морали, — постановляют, что означенное постановление вводится в действие в пределах департаментов Жер, Ланд, Верхних и Нижних Пиренеев. Оно подлежит исполнению во всех своих пунктах».⁵⁵

Наряду с мерами, имевшими целью ограничить свободу религиозных церемоний, Фуше широко применял и конфискацию церковных драгоценностей. Так, в своем донесении Конвенту из Невера от 8 брюмера Фуше писал: «Граждане-коллеги, посылаю вам 17 ящиков, наполненных золотом, серебром и всевозможной утварью, собранными из церквей и замков, а также пожертвований санкюлотов... Обесценим золото и серебро и вываляем в грязи эти божества монархии; только этим путем мы сможем заставить почитать бога республики и установим культ строгих добродетелей свободы».⁵⁶

В том же самом заседании Национального Конвента 11 брюмера, в котором было зачитано это письмо Фуше, выступили делегаты из Невера и, вручая Конвенту присланные Фуше ценности, заявили: «Представители французского народа, санкюлоты Ньевры, презирая золото и серебро, явились к вам, чтобы вручить вам реликвии фанатизма и гордости. Они попирают ногами кресты и все игрушки попов. Жители деревень по собственному почину приносят столовую утварь их бога и их бывших хозяев; кроме того, они выражают категорическое пожелание об упразднении служителей католического культа и замене их проповедниками морали. Даже женщины отказываются от своих крестов».⁵⁷

За этой посылкой Фуше последовал ряд других аналогичных. «Подношения, — пишет он Комитету Общественного Спасения, — продолжают поступать на алтарь отечества. Пересылаю вам четвертую партию золота и серебра, стоимость которой доходит до нескольких миллионов... Любовь к республиканским добродетелям и к простоте нравов проникла здесь во все души, едва только они освободились от развращающего влияния попов. Некоторые из этих обманщиков продолжают еще играть свои религиозные комедии, но санкюлоты осуществляют за ними бдительное наблюдение разрушают их подмостки и на их развалинах водружают бессмертное дерево свободы. Да здравствует Республика!»⁵⁸

Наряду с только что описанными мерами Фуше уделял весьма значительное внимание также и антирелигиозной или, точнее, антихристианской пропаганде. С образцом таковой мы встречаемся, например, в отчете о заседании установленных властей, наблюдательного комитета и революционной армии, имевшем место 15 брюмера II года в Мулене в помещении бывшего храма богородицы. В речи, произнесенной во время этого заседания, Фуше — читаем мы в этом отчете — «говорил о лицемерии священников и о фанатических церемониях их культа. Он в прямых и откровенных выражениях говорил об иисусовой морали и сделал это так ярко и правдиво, что заслужил восторженные аплодисменты народа». В заключение Фуше предложил «заставить исчезнуть все атрибуты поповского культа и заменить их бога богом санкюлотов».⁵⁹

Выступление 15 брюмера было последним актом дехристианизаторской деятельности Фуше в Невере и Мулене. За шесть дней до того, а именно 9 брюмера. Национальный Комитет постановил перевести его в качестве конвентского комиссара в «Освобожденный город», т.е. в бывший Лион.⁶⁰ 17 брюмера Фуше покинул Невер,⁶¹ а 20-го он прибыл в Лион, где к этому времени уже находился его коллега Колло Эрбуа.

Положение, которое Фуше застал в Лионе, существенно отличалось от того, которое он оставил в Невере и Мулене. В то время как в департаментах Ньевры и Аллье классовая борьба происходила в рамках внешней легальности, Лион в 1793 г. был, как известно, ареной ожесточенной гражданской войны, лишь недавно закончившейся взятием восставшего города войсками Конвента и изгнанием из него контрреволюционной армии Преси. При этих условиях вполне понятно, что перед конвентскими комиссарами в Лионе стояли гораздо более важные задачи. Ясно, что при данной ситуации заботы Фуше о борьбе с католицизмом не могли не отойти на задний план, поглощаясь более широкой задачей искоренения остатков контрреволюции. «Мы не будем говорить вам о священниках, — писали Колло д'Эрбуа и Фуше в своем донесении Комитету Общественного Спасения от 5 фримера, — мы не удостаиваем их чести специально ими заниматься. Их поведение совершенно ясно: пользуясь своим влиянием на совесть народа, они ввели его в заблуждение. Таким образом, они являются непосредственными виновниками пролившейся здесь крови; тем самым приговор над ними уже вынесен».⁶²

Но если, таким образом, в первое время пребывания Фуше в Лионе ему было просто-напросто некогда специально заниматься дехристианизацией, а его борьба с контрреволюционным духовенством совершенно растворялась в борьбе с контрреволюцией вообще, то уже очень скоро появились новые обстоятельства, положившие конец самой возможности дехристианизаторской деятельности Фуше. Как известно, уже в первой половине фримера робеспьеристы, ранее временно скрепя сердце примирившиеся с дехристианизаторской кампанией, теперь, опираясь на дантонистов, перешли в решительное наступление против своих противников слева. В результате этого эбертисты оказались вынужденными капитулировать в этом вопросе, что, впрочем, не спасло их в дальнейшем от разгрома и гибели.⁶³ Само собой разумеется, что кому-кому, но уже никак не Фуше могло прийти в голову давать без надежды на успех открытый бой господствовавшей партии. Начиная с декабря 1793 г. в деятельности Фуше мы уже не встречаемся с какими-либо попытками дехристианизации. А в начале 1794 г. он, предчувствуя, как известно, скорый конец эбертистов, открыто рвет свои с ними связи. Тем самым, естественно, кончается навсегда и его борьба с религией.⁶⁴

Яков Михайлович ЗАХЕР

**ДЕХРИСТИАНИЗАТОРСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖОЗЕФА ФУШЕ**

1 Ф.Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. Госполитиздат, 1952. стр.21.

2 Ф.Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1951. стр.16.

3 Там же, стр.17.

4 Подробнее об этом см. кн.: Я.Михайлов-Захер. Великая Французская революция и церковь, т.I. М., 1930, гл.III.

5 Грубо фальсифицирует историю близкий к троцкизму французский публицист Герэн (о нем см. в статье: С.Б.Кан. Парижские рабочие в революции 1789—1794 г. Вопросы истории, 1956, № 1, стр.139—142), рассматривающий Французскую революцию с точки зрения теории «перманентной революции» и видящий в ней «эмбрион пролетарской революции» (Daniel Guerin. La lutte des classes sous la premiere Republique, vv.1, 2. Paris, 1946). По словам Герэна, «классовый инстинкт заставлял их (т.е. рабочих, — Я.З.) чувствовать, что религия является одним из наиболее мощных орудий подавления человека человеком» (там же, т.1. стр.264). Вряд ли требуется доказывать, насколько это утверждение мало соответствует действительности в отношении пролетариата на том этапе его предыстории, когда он выступал «в качестве зародыша нового класса, еще совершенно неспособный к самостоятельному политическому действию» (Ф.Энгельс. Анти-Дюринг, стр.242). Поэтому нельзя не согласиться с А.Собулем, по словам которого истоки дехристианизаторского движения отнюдь не являются плебейскими, ибо в то время как мелкая буржуазия (в 1793 г., — Я.З.), по-видимому, склонялась в сторону неверия, санкюлоты в прямом смысле этого слова, по всей видимости, оставались в рамках традиционной религиозности... Серьезный анализ сохранившихся в серии С Национального архива обращений парижских секций показывает, что дехристианизаторское движение не только не было народным, но и было прямо навязано большей части санкюлотских секций». (A.Soboul. 1) Sentiments religieux et cultes populaires pendant la Revolution. Annales Historiques de la Revolution Francaise, 1957, № 148, стр.210—212; 2) Sansculoten und Revolutionsregierung. Zeitschrift fur Geschichtswissenschaft, 1955, H.6, стр.897—898; ср. также: 3) Les sans-culottes parisiens en 1'an II. Histoire politique et sociale des sections de Paris. 2 juin 1793—9 thermidor an II, 1958).

6 Ср.: Walter Markov. Grenzen des Jakobinerstates. Grundpositionen der Franzosischen Aufklarung, Berlin, 1955, стр.331, прим.80.

7 A.Soboul. La societe fraternele du Pantheon-Francais. Annales Historiques de la Revolution Francaise, 1957, № 146, стр.51.

8 Подробнее см.: Я.М.Захер. 1) Последний период деятельности Жака Ру. Французский ежегодник. Институт истории АН СССР. М., 1959; 2) Жан Варле во время якобинской диктатуры. Новая и новейшая история. 1959, № 2.

9 Герэн (Daniel Guerin, ук.соч., т.1, стр.258) без всяких оснований утверждает, что развязывание эбертистами дехристианизаторского движения являлось диверсией, имевшей своей целью отвлечь плебейские массы от борьбы за улучшение их экономического положения. После разгрома «бешеных» эбертисты являлись наиболее близким к плебейским массам элементом якобинской партии, в какой-то степени отражавшим интересы этих масс. Нельзя также упускать из виду, что те массовые организации, которые поддерживали дехристианизацию, рассматривали эту последнюю как один из моментов в своей борьбе за ликвидацию продовольственного кризиса (см. об этом в статье: R.Cobb. Les debuts de la dechnstianisation a Dieppe, Annales Historiques de la Revolution Francaise, 1956, № 143, стр.199—200). В своей дехристианизаторской политике эбертисты действовали вполне bona fide, а недостатки этой политики — стремление «отменить бога декретом» (см.: Ф.Энгельс. Программа бланкистских эмигрантов Коммуны. В кн.: К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XV, стр.228) — лишь отражали особенности социального положения эбертистов (ср.: Walter Markov ук.соч., стр.237).

10 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.2. стр.126—127.

11 L.Madlin. Fouche (1759—1820), t.I. Paris, 1901. стр.6. — Цитируем по этому изданию, так как более поздние (в частности 1955 г.) издания этой книги значительно сокращены и из нее выброшены многие выдержки из относящихся к Фуше документов.

12 L.Madlin, ук.соч., т.I, стр.39.

13 Там же.

14 Там же, стр.58.

15 Archives parlementaires de 1787 a 1860. Premiere serie. vv.I—LXXXII, Paris, 1867—1914, v.LX, стр.25.

16 Recueil des actes du Comite de Salut Public, Paris, 1889—1933. т.II, стр.468—471.

17 Там же, стр.558.

18 Martel. Etudes sur Fouche et sur le communisme dans la pratique en 1793. Paris, 1873, стр.48—53.

19 Recueil des actes..., v.II, стр.431.

20 Там же, стр.519.

21 Archives parlementaires..., v.LXVIII, стр.207—209.

22 См.: Я.Михайлов-Захер. Великая Французская революция и церковь. т.1, гл.III.

23 Как известно, подобное предложение было сделано, правда лишь по соображениям финансового характера, еще осенью 1792 г. Камбоном, но оно было тогда отклонено вследствие решительного сопротивления Дантона и Робеспьера.

24 Archives parlementaires..., v.LXVIII, стр.207—208.

- 26 Archives parlementaires..., v.LXVIII, стр.208—209.
- 27 Там же, стр.209.
- 28 Там же.
- 29 Recueil des actes..., т.V, стр.57.
- 30 См.: Я.Михайлов-Захер. Анаксагор Шометт. М., 1930, стр.32—34
- 31 Находившийся в Ньевре в июне 1793 г. агент исполнительной власти Дижаньер писал в одном из своих донесений в Париж, что народ департамента Ньевры «настолько фанатичен и враждебен революции, что он бы непременно восстал против новых законов, если бы только имел вождя» (L.Madelin, ук.соч., т.I, стр.87).
- 32 Martel, ук.соч., т. I, стр.99—100.
- 33 Комиссар в деп. Ньевры до Фуше. Невер — главный город департамента.
- 34 L.Madelin, ук.соч., т.I, стр.89—90.
- 35 Martel, ук. соч., т.I, стр.109—110.
- 36 Recueil des actes..., v.VI, стр.17.
- 37 L.Madelin, ук.соч., т.I, стр.92.
-
- 38 Martel, ук.соч., т.I, стр.113—117.
- 39 См.: Я.Михайлов-Захер. Французская революция и церковь, т.I, гл.III.
- 40 Martel, ук. соч., т.I, стр.137—138.
- 41 См.: Я.Михайлов-Захер. Анаксагор Шометт, стр.47—50
- 42 Martel, ук.соч., т.1, стр.158—159.
- 43 Подробнее об этом см.: Я.Михайлов-Захер. Анаксагор Шометт, стр.51—52.
- 44 То обстоятельство, что в проведении дехристианизации в Мулене широкое участие принимало тамошнее «народное общество», может, создать впечатление, что дехристианизаторская деятельность Фуше пользовалась поддержкой плебейских масс. Но это не так, и для понимания действительной картины событий следует иметь в виду, что в муленское «народное общество», число членов которого при населении в 13 тысяч жителей составляло всего лишь 189 человек, наемные рабочие не допускались, большинство его представляли мелкие ремесленники и подмастерья (R.Cobb, ук.соч., стр.199). Кроме того, в проведении дехристианизации в Мулене значительную роль играли трое местных церковников: викарии Grimand и Marcillat и преподаватель Agard (там же, стр.191—192), очевидно действовавших по карьеристским соображениям. Точно так же среди комиссаров, посланных «народным обществом» Ньеры для проведения дехристианизации в местечке Вопа, мы встречаем двух представителей духовенства (там же, стр.193).
- 45 Martel, ук.соч., т.I, стр.160—161.
- 46 Там же, стр.165.
- 47 См.: Я.Михайлов-Захер. Анаксагор Шометт, стр.90—95.
- 48 L.Madelin, ук.соч., т.I, стр.103—104.
- 49 Recueil des actes..., v.VII, стр.151.
- 50 L.Madelin, ук.соч., т.I, стр.109.
- 51 Recueil des actes... , v.VII, стр.403.
- 52 Reimpression de l'ancien Moniteur, Paris, 1847, v.XVII, стр.137.
- 53 Там же, стр.137.
- 54 P. De la Gorce. Histoire religieuse de la Revolution Francaise, vv.I—V Paris, 1909—1923, v.III, стр.236.
- 55 F.A.Aulard. Le culte de la Raison et le culte de l'Etre Supreme. Paris, 1892, стр.132—134.
- 56 Reimpression de l'ancien Moniteur, v.XVII, стр.318—319.
- 57 Там же, стр.319.
- 58 Recueil des actes..., v.VIII, стр.113.
- 59 Martel, ук. соч., т.I, стр.190—192.
- 60 Recueil des actes..., v.VIII, стр.120—121.
- 61 L.Madelin, ук.соч., т I, стр.123.
- 62 Recueil des actes.... v.VIII, стр.709—710.
- 63 Подробнее об этом см.: Я.Михайлов-Захер. 1) Французская революция и Церковь, т.I; 2) Анаксагор Шометт.
- 64 Для характеристики позиции Фуше в отношении религии и церкви в конце его лионской миссии (он был отозван из Лиона постановлением Комитета Общественного Спасения от 7 жерминаля—27 марта—1794 г.) достаточно сказать, что из 18 монахинь, судившихся там 26 марта 1794 г. за отказ от принесения присяги, к смерти была приговорена только одна (см.: F.Boussoulade. Les religieuses et les serments. Annales Historiques de la Revolution Francaise, 1953, № 131, стр.138). И это после того как первое время своей лионской миссии Фуше ознаменовал казнь большого числа церковников, составлявших, впрочем, только часть казенных им без всякого суда многих сотен в своем большинстве ни в чем неповинных людей!